

УДК 1:62

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУКТИВНОЙ УСЛОВНОСТИ¹

А.Н. Огнев

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия
phil@ssau.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению теоретических импликаций репрезентативной модели, рассматриваемой как со стороны её онтологических характеристик, так и в плане её соответствия релевантному коду эпистемологической идентичности. Развитие научно-технического прогресса вызывает к жизни техническую рациональность, которая характеризуется особым соотношением объективных предпосылок и субъективных ментальных аттитюдов. В статье рассматриваются факторы сущностного детерминизма, выявляющие закономерности функционирования репрезентативных моделей, формирующих поле технической рациональности. Вводится и обосновывается понятие технодинамического априоризма, характеризующего семантическую и логическую когерентность актом рефлексии технического сознания. Принцип технодинамического априоризма реализуется в репрезентативных моделях, базирующихся на идее операционального понимания возможностей человеческого разума.

Ключевые слова: репрезентативная модель, рациональность, техническое сознание, технодинамический априоризм, операциональность, объективность, конструкция.

Цитирование: Огнев, А.Н. Онтогносеологический аспект проблемы конструктивной условности / А.Н. Огнев // Онтология проектирования. – 2016. – Т. 6, №4(22). – С. 525-540. – DOI: 10.18287/2223-9537-2016-6-4-525-540.

Введение

Проблема конструктивной условности, возникающая в процессе проектирования технически-значимого решения, составляет концептуальное средоточие технической рациональности, достигающей в условиях новоевропейской сциентистски-ориентированной цивилизации фазы обобществляемой онтологизации. Её актуальность обнаруживается как на уровне региональных онтологий, так и в частнонаучных эпистемах, начинающих жить в режиме прагматических санкций социализируемой рациональности вне аутентичных лимитов породившей их теории познания. Эти проблемные ракурсы зачастую оказываются скрытыми в массивах предметных опосредствований, с которыми имеет дело технический ум, тогда как «высокая» умозрительная философия оставляет в небрежении вопросы, третируемые ею как

¹ *Инженеры и философы ищут общий язык* – таков лейтмотив прошедшего в Самарском университете 1.11.2016 семинара «Онтология проектирования» (<http://www.ssau.ru/news/13251-Inzheneriy-i-filosofy-ischut-obschiy-yazyk/>), на котором обсуждался, в том числе, материал данной статьи. Творческий союз инженеров и философов важен, т.к. широта и глубина философских знаний востребована при построении семантических и математических моделей для будущих систем искусственного интеллекта. В любой профессиональной области всегда складывается свой язык, на котором общаются специалисты. Обычно философы, «парящие» на вершинах человеческой мысли и оперирующие понятиями как «облаками без границ», не ищут прагматики в своих умозаключениях. В то время как инженерам важно структурировать и формализовать знания. Продолжающаяся дифференциация науки не продуктивна без интеграционных, философских основ. Язык публикуемой статьи соответствует культурной среде философов, формировавших и оттачивавших свой глоссарий в недрах немецкой классической философии. Современный инженер с удивлением обнаружит для себя иной языковой пласт, описывающий поле его деятельности, и, возможно, обогатит свой профессиональный словарь терминов и понятий. *Прим. ред.*

«прикладные». Между тем, именно при их решении человечество складывается как общность, степень осознанности которой индексируется в функциональной интегрируемости осуществляемых ею практических начинаний, имеющих выраженную операциональную сторону. В силу сказанного проблема конструктивной условности оказывается неспецифическим отражением онтогносеологического фатума любой рациональной теории, вынужденной апеллировать к идее оптимизации проблемы соотношения бытия и мышления.

Предлагаемый взгляд на конструктивную условность минималистичен по меркам классической метафизики, коль скоро её ключевые сюжеты в модусе конструктивной условности оказываются понятийно-редуцированными. Теологические, космологические и психологические проблемы технически-исполнимых решений не имеют, но любое существующее техническое решение опирается на онтологические предпосылки и осуществляет некий теоретико-познавательный ресурс, рациональность которого ограничена критически автореферентными формализмами метафизики. Философ убеждён в случайности всякого содержания, которое противится фабуле окончательных метафизических решений. Технический ум, в свою очередь, избегает пафоса, которого работающие конструктивные условности лишены. Действительность же, которую философский и технический ум понимают столь различно, в своей тематичности едина именно в силу того, что в ней заключены конструктивные условности, трактуемые то мировоззренчески, то операционально.

Из сказанного вытекает следующий порядок проблемной экспозиции понятия конструктивной условности:

- 1) необходимо охарактеризовать специфику технической рациональности, выявив её признаки;
- 2) подвергнуть критическому рассмотрению установки метафизического пуризма;
- 3) охарактеризовать роль конструктивной условности в научном мышлении;
- 4) эксплицировать онтогносеологическое значение принципа детерминизма;
- 5) показать черты объективации репрезентативной модели онтологического проекта.

Инвариантность этого порядка носит не догматический, а проблемно-диспозитивный характер.

1 Проблема технической рациональности

Развитие технической ментальности, вызванное научной революцией Нового времени, составляет основополагающий фактор реального самоопределения мысли, преодолевшей свой чисто интеллектуальный генезис и обнаруживающей новые значимые валентности по факту своей легитимации в структурах «второй природы», создаваемой человеком. Образуя многофакторную системную конфигурацию, техническое решение как таковое базируется на принципе осуществимости логической процедуры редукции, изымающей из комплекса системных взаимосвязей некий абстрактный момент, на основе которого формируется модель, к числу признаков которой принадлежат:

- a) функциональная востребованность;
- b) логическая однозначность;
- c) операциональная транслируемость;
- d) системная совместимость с существующими техническими решениями;
- e) процедурная предсказуемость способов устранения возможных дисфункций.

Подобного рода модель оказывается нацеленной на оптимизацию известной конфигурации фактов «второй природы», в которой не обнаруживается никакого самостоятельного содержания, выходящего за пределы стандартного ментального формата. Техническая ментальность опирается в концептуальном смысле на ту или иную версию детерминизма, учи-

тывающую реальную сложность предусмотренных предметных процессов, охватываемых заданным техническим решением. Это положение дел подразумевает отсутствие исключений из комплекса титульных детерминаций, что и предполагает принципиальную рациональность исполнимого технического решения по его родовым признакам как ментального конструкта.

Техническая рациональность объемлет объективации сущего, определимого посредством понятия конструктивной условности. Само же это понятие должно удовлетворять конечному числу дефинитивных критериев, допускающих аксиоматизацию применительно к признакам фамильного сродства конструируемых объектов. Будучи сформулированным в предельно абстрактном виде, это требование указывает на формализацию исходных предпосылок, включающую в их составе какую-либо спонтанную содержательную активность. Здесь речь пойдет о понятии «технической ментальности» как о совокупности черт сознания, обнаруживающихся при решении технических задач. Техническая ментальность не допускает сюжетов, в которых материально-содержательный момент смог бы обнаружить в себе свойства, не предусмотренные базовым модельным формативом (под которым надлежит разуметь исходную и инвариантную модель формализации), коль скоро параметрический базис данного формата принят в качестве номинативного субститута предметно-объективируемого курса реальности. В параметрический базис формата входят характеристики модели в том её смысле, в каком она мыслится без противоречия и интуитивно представляется. Номинативный субститут легализует модель в её знаковом качестве. Остаётся, тем не менее, вопрос о том, какого рода формализмы образуют суть технического решения – формализмы онтологического порядка, относящиеся к абстрактным характеристикам бытия, или же формализмы мышления, заданные теоретико-познавательными возможностями субъекта, приписывающего той или иной модели востребованный операциональный статус. Онтологические и гносеологические формализмы имеют разное обоснование, но они обнаруживаются в тематическом базисе одного и того же модельного формата. В чисто философском плане бытие и мышление несоизмеримы и декларируются отличными друг от друга по своим родовым характеристикам, но в техническом решении они оказываются связанными между собой в общую конструктивную условность. Обнаруживается любопытный парадокс: технически-осуществимая конструктивная условность демонстрирует эффективность операционального комплекса, объединяющего предмет и мысль о нём, что невозможно по имманентным критериям как онтологических, так и гносеологических теорий, рассматривающих бытие и мышление в их самозамкнутой обособленности. Техническая рациональность, таким образом, санкционирует то, что с точки зрения «чистого разума» было бы обречено на теоретическую дефицитарность дискретного объекта, допускающего только казуистический режим позиционирования.

Нет ничего удивительного в том, что для носителя технической ментальности этого парадокса не существует, поскольку к числу его характеристик как нормального субъекта, субъективность которого исчерпывается операциональными нормативами, принадлежит отсутствие вовлечённости в мировоззренчески-значимую конфигурацию мотивов мысли, но для философски мыслящего ума этот парадокс должен был бы стать значимым стимулом для критической рефлексии. В действительности же этого не происходит: метафизический догматизм упивается иллюзией трансцендентности собственной позиции и подвергает психозащитной цензуре такие коллизии мысли, которые не укладываются в удобную ему теоретическую фабулу. Вот почему проблема конструктивной условности, заключающая в себе очевидный интеллектуальный вызов для метафизического квиетизма философских умов, оказывается оттеснённой на теоретическую периферию, где ей навязывается репутация прикладной проблемы, до рассмотрения значения которой ни онтолог, ни гносеолог не снисходят.

Данное положение дел не следует считать результатом простого небрежения, а надлежит трактовать как дефензивный приём, посредством которого метафизика устраняется от анализа проблемы, грозящей обнаружить хиатус в комплексе её базовых компетенций.

Суммируя сказанное, можно сопоставить черты технической рациональности с чертами рациональности, обнаруживающимися в естественнонаучном мышлении (ориентированном на познание природы), и чертами метафизического мышления (ориентированного на трансценденцию абстракции естественного порядка). Данные этого сопоставления можно свести в аналитическую таблицу типологических различий (таблица 1).

Таблица 1 – Аналитическая таблица типологических различий

Типы Черты	Естественно-научная рациональность	Техническая рациональность	Рационалистическая метафизика
Объект познания	предмет природы, данный в опыте	предметная сторона мысли, задающая условные границы для опыта	умопостигаемый предмет, трансцендирующий природу
Субъект познания	эмпирический	практический	трансцендентальный
Признаки модели	а) феноменологическая очевидность, б) экспозитивная вариативность, в) естественная обусловленность, г) локализованная витальность, д) сериальная фактографичность	а) функциональная востребованность, б) логическая однозначность, в) операциональная транслируемость, г) системная совместимость, д) процедурная предсказуемость	а) эссенциальный супплетивизм, б) ментальная дефинитивность, в) компенсаторность, г) системный априоризм, д) континуальная антиципация

2 Кризис установок методологического пуризма в философии

Проблема онтологического статуса конструктивной условности ставится в классической философии, преимущественно, в методологическом ключе, что предполагает отказ от проблемных референций и мировоззренческих коннотаций фатального для любой методологии режима прямого обсуждения «основного вопроса философии». Со времён кантовского критицизма «конструктивная условность» подаётся как методологический приём, рассчитанный на воспроизведение онтологического эквивалента средствами мыслительной иллюзии, доведённой до рутинного автоматизма. Всякая материальная определённости подаётся методологически как частный прецедент продуктивности. Так, например, Ф.В.Й. Шеллинг утверждает, что «определённая материя есть также продукт, и, следовательно, обладает свойствами продукта, так как природа возникает для меня путём конструкции, а всякая конструкция есть продуцирование. Следовательно, поскольку этот дуализм обнаруживается в качестве существенного в каждой конструкции, он должен служить и единственным удовлетворяющим объяснением всех явлений» [1, с.25]. Предложенная Шеллингом программа онтологизации дуализма верна в том, что раскрывает чётность конструкции в качестве аналитического признака всякой конструкции, описываемой в бинарных оппозициях через аксиоматизацию закона исключённого третьего, но в ней отсутствует объяснение того, почему это методологическое основание, релевантное для мыслительного процесса, должно исчерпывать сущностные характеристики реального предмета. Классическая философия исходит, тем самым, из того, что конструктивная условность беспредпосылочно схематизирует реальность, которая, в свою очередь, не заключает в своём сухом остатке никакого собственного содержания, образующего метафизическую загадку в каком-либо предметно-верифицируемом качестве. Если

это так, то конструктивная условность имманентна всякой предметной реальности, не обнаруживая при этом никаких неотчуждаемых предметных реквизитов, что противоречит задекларированной установке на онтологизацию дуализма именно в аспекте его особенной продуктивности, об актуальности которой должен свидетельствовать распознаваемый комплекс специфицированных значений. Возникает вопрос о том, как этот комплекс квалифицировать: как идеальный, то есть независимый от сознания, но вполне объективный (подобно платоновским идеям), или же как достижение мысли, которое невозможно без наличия мыслящего субъекта? Эмпиризм низводит идеальное до результата рассудочного обобщения данных опыта, превращая его в продукт мыслительной деятельности и лишая его объективного статуса. А оппоненты эмпиризма придают зачастую результатам мыслительного процесса статус идеи, имеющей вечную и неизменную сущность. Оба подхода могут привести к ошибкам, но противоположного плана. Общего внеэмпирического критерия уместности, уберегающего от одной из этих ошибок, не может быть. Этим объясняется отказ от различения мысленного и идеального аспектов по факту их единовременной локализации в предмете. Но всё дело в том, что конструктивная условность позволяет выявить разницу в реификации мыслей и идей на уровне отношения процесса к результату, без чего само понятие конструктивной условности теряет свою операциональную востребованность.

Совершенно очевидно, что с точки зрения технической рациональности растворение результативного аспекта в процессуальном, ярким примером которого могут служить эксцессы гегельянского «снятия», лишены определяющего значения и неприемлемы. Вот почему негативная диалектика как в её спиритуалистической, так и в материалистической версиях оказывается несостоятельной перед лицом проблемы конструктивной условности. Это позволило Ф.А. Тренделенбургу признать, «что чисто отрицательное, будучи ничем и имея свою сущность в одном только безусловном упразднении, не может быть поставлено сущим» [2, с.158]. Конструктивная условность же обладает атрибутом продуктивности как признаком, гарантирующим самому её понятию устойчивую и доступную для человеческого понимания логическую идентичность, без которой она вырождается в дисфункциональную и прагматически-неоперабельную мыслительную фикцию, лишённую для технической рациональности каких-либо интересных свойств. Запоздалой реакцией на это можно считать констатацию Г. Когена: «Сейчас имеется единство предмета, которое не висит в воздухе, но которое действует и обосновывается в непрерывном производстве фундамента для предмета» [3, с.446]. Указание на возможность континуальной воспроизводимости предмета как условного комплекса эмпирических детерминаций составляет значимое достижение Марбургского неокантианства, сохранявшего, однако, в самой трактовке конструкции черты изначального критического пуризма, присущего данному направлению философской мысли в целом, озабоченного, согласно признанию А. Поми, «принципом также и в узком смысле безусловленного условия познания бытия» [4, с.133]. Этот узкий смысл операционально совместим, однако, с понятием конструктивной условности, поскольку последняя актуализируется посредством гипотетических, а не категорических суждений, взятых в их безусловности, что позволило русскому неокантианцу А.И. Введенскому утверждать, что «наше условное суждение, конечно, будет не в состоянии привести к такому доказательству общего синтетического суждения, при котором не было бы надобности пользоваться в виде доказывающего основания другим общим синтетическим суждением» [5, с.203]. Такой ход мысли позволяет поставить под сомнение возможность прогресса научного познания, опирающегося только на одни конструктивные условности, взятые безотносительно к их содержательному реальному корреляту, данному посредством чувственных ощущений.

Методологический пуризм есть следствие абстрактности мысли, её неспособности обрести себя в материале предметного опосредствования. В нём абсолютизируется форматив

мышления и в таком виде выдаётся за идею, которой реальность должна соответствовать, но которой она исчерпана быть не может. Пуризм стремится состояться в качестве метода объективации норм, принадлежащих долженствованию, но не вытекающих из существования предметного многообразия познаваемой действительности. Кризис обретает в критике свой логос, вскрывающий искусственность абстрактных границ, навязываемых мышлением бытию. Кризис установок методологического пуризма позволяет выявить фазы, в которых нормативистская абстракция меняет свои функциональные особенности. Основные моменты можно представить в виде таблицы фазовых нормативов (таблица 2).

Таблица 2 – Таблица фазовых нормативов кризиса методологического пуризма

Фазы	Предпосылки	Процедура	Результаты
<i>Докритическая</i>	догматизм готовых понятий	расширение объёма понятия	обесценивание содержания
<i>Кризис</i>	критика как рефлексия по поводу границ	спецификация содержания	релятивизация понятийных объёмов
<i>Посткритическая</i>	релятивизм предпосылочных субституций	конструирование условий для разделения объёмных и содержательных факторов	вытеснение результатов формализацией факторов

3 Конструктивная условность в контексте философии науки

Несостоятельность пуристического подхода к проблеме конструктивной условности становится поводом для поисков гаранта единства онтогносеологического синтеза конструктивной условности в тематизации перцептивных комплексов как ассоциативных образований, обладающих относительной устойчивостью, достаточной для релевантных отправлений прогностической функции в человеческом познании. Такой подход предполагает отказ от каких-либо метафизических интерпретаций конструктивной условности, ибо для того, чтобы считать перцептивный комплекс устойчивым ассоциативным образованием, можно ограничиться указанием на наличие статистической закономерности, образующей инвариантный концептуальный интроект для квалифицированной подборки вариативных данных. Эмпириокритицизм Э. Маха и Р. Авенариуса представлял собой попытку решения проблемы конструктивной условности в ситуации фронтальной утраты субстанциальности, выразившейся в сведении самих эмпирических данных к дифференцированной символике процессов энергетического обмена. Возвестив отказ от метафизических притязаний разума в качестве базовой предпосылки научного познания, эмпириокритики стремились ограничить само познание как таковое сериями конструктивных условностей, взаимодействие между которыми должно было соответствовать общей фабуле энергетизма. Достаточность последней с точки зрения рациональности не вызвала у эмпириокритиков никаких возражений. Э. Мах писал: «Закон ассоциации оказался достаточным, чтобы осветить рассматриваемую здесь деятельность научной фантазии. Но художественная фантазия обнаруживает в своих проявлениях известные особенности, и для их изложения мы должны пойти несколько дальше. Ассоциация не ограничивается процессами сознания, представлениями. Вообще все процессы организма, совместно часто повторяющиеся, обнаруживают тенденцию к сохранению этой связи» [6, с.169]. Согласно основоположнику эмпириокритицизма, ассоциация возникает на основе рестриктивных функциональных аккомодаций, достаточных для воспроизведения устойчивого энергообмена. Исходя из принципа «экономии мышления», всякую условность познания можно считать таковой только внутри ассоциации, где она наделяется функциями, оптимизируемыми в конструктивно-значимых лимитах. У последних нет и не может быть собственно материальных эквиваленций, а могут быть символические эквипотенциалы, яв-

ляющие физический смысл допустимых в эпистемологическом плане аксиоматик, поскольку таковые представляют собой различные способы каталогизации ассоциаций с точки зрения их противоречивости.

В ситуации метафизического обесценивания содержательного постулата о материальном единстве мира конструктивная условность становится операциональным символом актуализации здесь и сейчас допустимого аксиоматического протокола. Абстрагируясь от проблемы онтогносеологического статуса элементов, образующих конструкцию, можно, вслед за Л. Кутюра признать, что «первые понятия можно считать чистыми символами, смысл которых неопределён и безразличен и которые должны только удовлетворять первым предложениям. Понятно, поэтому, что одна и та же формальная дедуктивная теория может иметь несколько материально различных применений, если возможно найти для ансамбля неопределённых символов несколько интерпретаций, одинаково могущих удовлетворять ансамбль недоказанных предложений» [7, с.35]. Такой подход к проблеме конструктивной условности вполне подходит для математики, имеющей дело с объектами произвольной природы, которые в равной мере способны как не обладать никакой природой вообще, будучи лишёнными всякого онтологического веса, так и быть присущими всякой природе, имманентно её внутреннему понятию, не будучи мыслимыми вне её. Имея дело с объектами произвольной природы, математика не может выдвигать квалифицированных требований к разграничению объёмных и содержательных признаков понятия, как то необходимо для выбора чувственных интуитивных предвосхищений, востребованных по основному психофизиологическому закону Вебера-Фехнера и по «шагу Гёффдинга» для образования ассоциативных комплексов. Основной психофизиологический закон Вебера-Фехнера играет в психологии ту же роль, что и три закона Ньютона в механистической картине мира. Значение этого закона в том, что разница между фоном и стимулом носит порядковый характер и подлежит учёту при помощи логарифмов. Мы видим, что качественные различия между восприятиями можно представить как количественные. Не меньшей фундаментальностью для научной экспериментальной психологии обладает и понятие «шага Гёффдинга», под которым понимается упреждающее распознавание предметной целостности образа, предшествующее частным перцептивным деталям. Лишь косвенным образом качественные характеристики, ограничивающие антиципации чувственных восприятий по канону трансцендентальной аналитики кантовской таблицы категорий, могут быть представлены количественно, как того требует аксиоматика наглядных представлений. Это значит, что конструктивной условностью можно считать форматив такой гипотезы, которая позволяет достичь общезначимой меры транзитивности для антиципаций восприятия, выражающих интенсивность качества, и для аксиом наглядного представления, обналичивающих количественную экстенсивность.

Получается, что конструктивная условность обеспечивает транзитивность фактов внутреннего и внешнего опыта. Образую гипотетически третий член² для сравнения, конструктивная условность являет наглядно сам эффект логической транзитивности. Но если это так, то всякая конструктивная условность должна необходимым образом требовать нечётных и только нечётных оппозиций, в которых транзитивность среднего термина³ предстаёт как «опосредствование» в диалектическом гегелевском смысле, что, однако, в корне противоречит идее чётности конструктивной условности в плане её аналитической истинности, вытекающей из бинарности тематической оппозиции.

² «Третий член для сравнения» - это понятие, на котором основан принцип транзитивности, суть которого в том, что если два предмета в каком-либо отношении равны третьему, то они равны в том же отношении друг другу. *Прим.автора.*

³ В «среднем термине» осуществляется диалектическое снятие взаимоисключающих противоположностей, присущих абстрактному мышлению рассудка. *Прим.автора.*

«Противоречие» между аналитической чётностью и диалектической нечётностью конструктивной условности представляется фатальным лишь для абстрактно-метафизического мышления. Оно видится таковым, если исходить из противопоставления чётных и нечётных функций, предполагающих гипотезу о различных основаниях симметрии. Принимая во внимание онтогносеологическую двусоставность конструктивной условности, можно говорить о различии способов её интерпретации в бытии и в мышлении относительно аналитических и диалектических способов её протокольного позиционирования. Эта оговорка никоим образом не является софизмом, но включает в себе указание на те основания, которые позволяют употребить любую конструктивную условность софистически. Коль скоро ни одна мысль и ни один предмет сами по себе софизмами не являются, а становятся таковыми относительно своего узуса в неверифицируемых гипотезах, конструктивная условность не может избежать их общей судьбы. Каким бы превратным ни был узус с точки зрения софистических установок, он может состояться в своём софистическом качестве только при наличии нормы понятия, которая этим узусом формируется. Коль скоро за всякой деформацией стоит возможность формализации по канонам нормального субъекта, нет оснований сетовать на то, что конструктивная условность отягощена неким софистическим узусом. Тот факт, что последний не исключён без предварительных рассмотрений, является косвенным поручительством в пользу того, что существует норматив классической формализации конструктивной условности. Вопрос же относительно того, насколько эта формализация доступна для наличного носителя субъективности, не есть вопрос теории, ибо это вопрос о том, насколько субъект, прибегающий к конструктивной условности, наделён доброй волей, которая позволяет ему стать ипостасью нормального субъекта, мыслящего своё единство посредством легитимных ценностных установок. Этот аксиологический ракурс проблемы конструктивной условности имеет практический смысл, поэтому он не может обладать значимостью для знания, заявляющего о себе как о теории. Следовательно, всё дело исключительно в нормативах формализации, обеспечивающих континуальность заданных полевых эффектов конструктивной условности для контекстуальной конфигурации, характеризующей отношение бытия и мышления.

Теория множеств обладает необходимым нормативным потенциалом, позволяющим трактовать онтогносеологическую проблему с позиций метафизического нейтралитета, о чём свидетельствует программная преамбула Ф. Хаусдорфа: «Множество возникает путём объединения отдельных предметов (вещей) в одно целое. Оно есть множественность, мыслимая как единство. Если бы эти или подобные им высказывания выставлялись в качестве определений, то можно было бы вполне основательно возразить, что они определяют тавтологически или даже определяют неясное через неясности иного рода. Однако мы можем их толковать просто как указания на некоторый первоначальный, всем свойственный акт мышления, который, быть может, и нельзя, а может быть, и не нужно разлагать на другие, более простые акты» [8, с.9]. Смысл этого признания в том, что теория множеств, во-первых, не допускает дефинитивных решений, будучи, подобно гегелевской диалектике, беспредпосылочным знанием, во-вторых, включает в себе возможность взаимно-обратной интерпретации элементов бытия и мышления относительно квалифицированной целостности, в которой явлено их единство, и в-третьих, включает в себе форматив акта, действительность которого заключена только в нерасторжимом синтезе онтологических и гносеологических элементов. Поэтому, во-первых, дефиниции что-то значат только при наличии множества, во-вторых, мыслимости элементов соответствует целостность бытия или бытию элементов соответствует целостность мысли, в-третьих, действительно только то, что допускает формулировку нормы. Вот почему А.А. Френкель и И. Бар-Хиллел начинают само изложение начал теории множеств с заявления, ввергающего метафизиков в состояние когнитивного диссонанса: «Для

целей более прочного обоснования теории множеств в принципе безразлично, считать ли антиномии катастрофой, заставляющей нас помимо нашего желания искать другую, более надёжную основу, или же рассматривать их в качестве (своевременно обнаруженного) симптома болезни, которую без них можно было бы и проглядеть» [9, с.31]. Конструктивная условность симптоматична, но в себе и для себя не резолютивна.

Говоря о симптоматическом значении конструктивной условности, следует иметь в виду её способность, будучи моделью частного технического решения, указывать на целый класс онтологических объектов, обладающих оперативным функционалом, относительно которого правомерно утверждение о том, что он может быть реифицирован в существующей конфигурации предметных границ, приобретая в них значимость «бытия-в-признанности». Этот гегелевский термин указывает на возможный порядок актуализации идеи, в котором человек может состояться как разумное и мыслящее существо, а не только в качестве носителя прагматических установок. Гегелевское «бытие в признанности» конструктивной условности симптоматично и для того общественного бытия, которое демонстрирует потребность в технических решениях разного уровня. Чем примитивнее общество, тем меньшую взыскательность обнаруживает и общественное сознание применительно к техническим решениям, взятым в модусе их обобществления в качестве фактора развития производительных сил. Особенно показательным отношением к математическому аспекту конструктивной условности, заложенной в то или иное техническое решение. На эту симптоматику указывал Г. Штейнгауз: «Люди, близкие к техническим наукам, знают о роли классической математики в инженерном деле и машиностроении, но считают её второстепенной; к такой точке зрения их склоняет назначение математических справочников. Их очень удивляет, когда, например, кто-то говорит, что вроцлавское общество технической математики решило проблему оболочек и куполов, представив их оптимальную форму для каждого контура. Удивление возникает потому, что эмпирики не понимают категорических суждений такого рода. Более того, нематематик чувствует себя особенно задетым за живое, когда кто-то делает из его предпосылок заключение, превышающее его воображение» [10, с.39]. Сказанное позволяет понять, что конструктивная условность может бытовать и вне прагматики, предусмотренной социальными репутациями технической рациональности, что она включает в себе концептуальную модель математизации универсума, выявляющую сущностные аспекты человеческой свободы, к числу которых принадлежит и умение доносить до других людей интуитивное видение гармонизированного мира, в котором возможно более продуктивное развитие сущностных сил человека, нежели то, которое с позиций исторической фабулы легитимировано в ригидных сценариях актуализации субъективности.

Конструктивная условность являет себя во взаимопроникновении бытия в мышлении и мышления в бытии, образуя модель их продуктивной индифференции в классическом шеллингианском смысле. Следует, однако, помнить о том, что онтология и гносеология обладает разными форматами проблематизации, системные нормативы которых не совпадают. Единство бытия и мышления в конструктивной условности призвано обеспечить баланс между комплектом базовых категорий и научной рецепцией гипотезы, которая может быть понята как в объёмном, так и в содержательном ключе. Поэтому конструктивная условность может демонстрировать свойства, различающиеся в зависимости от её отношения к методу, что следует из предлагаемой контрастивной таблицы (таблица 3).

4 Конструктивная условность и проблема детерминизма

Гносеологический момент конструктивной условности может возникнуть только там, где собственно онтологическая симптоматика подвергается критической рефлексии. В конструк-

тивной условности заключена не просто готовая эпистема, наделённая консенсусом общественного сознания, администрирующего техническую рациональность, прагматической санкцией, но содержится и латентная типология гипотез, адекватных номосу уместности. Этот номос не является неким конвенциональным образованием, а выступает в качестве познаваемой закономерности, охватывающей, в том числе, и эпистемологическое поведение субъекта научного познания как носителя технической рациональности. Между латентной типологией, опирающейся на реальные основания, и простой классификацией, заключающей в себе логику идеации родо-видовых отношений, нет антагонизма, но это не значит, что идеальное и реальное могут свободно и без ограничений конвертироваться друг в друга. Область допустимых конверсивных решений и занимает техническая рациональность, интегрирующая все исполнимые в материале конструктивные условности на основе зачастую заведомо идеалистического представления о том, что в критической философии трактовалось как «цель разума». Основоположник критической онтологии Н. Гартман не только последовательно разводил понятия «слоистости» и «ступенчатости», исходя из противопоставления типологических и классификационных признаков, но и показал критическую значимость этого (в основе своей онтологического) разграничения для теории познания: «В поле реального познания (познания реально сущего) априорный элемент не встречается изолированно. Там, где он изолируется искусственно, что, конечно же, имеет место в известных теориях, он теряет отличительную черту познания – объективную значимость, переходя в спекуляцию или в свободную комбинативную игру» [11, с.252]. Конструктивная условность, таким образом, есть гарант реалистичности поставленных теоретико-познавательных задач, коль скоро именно она являет фатум материального воплощения, вне которого техническая рациональность не достигает соответствия своему собственному понятию.

Таблица 3 – Контрастивная таблица онтологических и гносеологических аспектов конструктивной условности

	Онтология (бытие)	Гносеология (познание)
<i>Категориальный состав</i>	Базовые онтологизмы: <ul style="list-style-type: none"> ▪ пространство, ▪ время, ▪ материя, ▪ движение, ▪ сила 	Типы истинности: <ul style="list-style-type: none"> ▪ металогиическая, ▪ логическая, ▪ эмпирическая, ▪ трансцендентальная
<i>Способ проблематизации</i>	Апория (конфликт разных начал, предметных в бытии)	Антиномия (спор разума с самим собой о приоритетности одного из аспектов амфиболии его понятий)
<i>Гипотеза</i>	Мыслительная фикция, не имеющая предметного содержания в бытии, но имеющая фиксированный объём	Онтологический факт, не имеющий выраженного норматива познаваемости, указывающего на объём, но имеющий содержание вне разделения типов истинности
<i>Отношение к методу</i>	Приоритет редукции и минималистская ориентация на содержание	Приоритет пролиферации и максималистская ориентация на объём
<i>Рецепция</i>	В вертикальном контексте (диахроническая) необратимость	В горизонтальном контексте (синхроническая) обратимость

Конструктивная условность технического решения мыслима в своей действенности только как проявленный и осознанный прецедент направляемого (на востребованные для преобразования объекты) универсального на понятийно-теоретическом уровне, но переменного по своим прагматическим санкциям, детерминизма. В рациональности технических решений детерминизм обналичивает свой понятийный потенциал, но не умножает своих аргументов, относящихся к его откровенным метафизическим притязаниям. Конструктивная условность характеризуется формальным минимализмом значимых детерминаций, фокуси-

рующихся вокруг понятия причинности. Техническая рациональность видит в ней только комплекс правил, но с точки зрения «детерминизма» как разума, делающего познание мира реализуемой целью, причинность мыслится как принцип, обладающий универсальной значимостью. Характеризуя причинность в качестве принципа, М. Бунге писал: «Причинный принцип содержит непрерывность действия между причиной и действием, то есть отсутствие промежутков в причинных линиях. Это требование почти очевидно, так как любая разрывность в причинной цепи должна была быть приписана действию дополнительной причины» [12, с.163]. Сказанное позволяет увидеть в причинности принцип, когерентный в семантическом плане общей юрисдикции разума, но позиционирующий сам эффект этой когерентности посредством конечного перечня рассудочных абстракций. Понятие «дополнительности» косвенно указывает на ограниченность абстрактного мышления, которому предаётся рассудок. Сводимость понятия детерминизма к причинности обнаруживается как эффект имитативной воспроизводимости конструктивной условности в режиме её операциональной мобилизации, но по существу речь здесь идёт о редукционистском аспекте, придающем практикуемому техническому решению видимость предметной завершённости. Разумеется, чистое мышление в своих теоретических устремлениях может придавать самому понятию детерминизма целый спектр значений, ограниченный опционально «слабой» и «сильной» редакцией антропного принципа, но в том, что подлежит конструированию по условностям, значимым эмпирически, детерминизм остаётся общеконцептуальным основанием, мыслимым в его причинном аспекте. Прочие аспекты детерминизма, к числу которых принадлежат, например, субстанциальность или центральная детерминация, значимы лишь как общетеоретические допущения, не имеющие технически-выразимого смысла. Для технической рациональности они остаются иррелевантными коннотациями, совместимыми с конструктивной условностью вне контекста её предметной реификации.

Развитие научного знания, будучи взятым в его эмпирическом материале, не меняет тематических свойств эпистемы, заключённой в той или иной конструктивной условности, тогда как общая концепция детерминизма, актуальная для принятой научной картины мира, может детализироваться или подвергаться в своих проблемных пунктах критическому переосмыслению, нацеленному на оптимизацию функций рациональности как доктрины, опирающейся на конечное число способов обоснования. Конструктивная условность, базирующаяся на тематической эпистеме, должна отражать далеко не все детерминации, а только те, которые могут быть реифицированы в предметно-конфигуративном качестве посредством технического решения. В этом смысле конструктивная условность оказывается симплифицирующей репрезентацией данностей, предусмотренных детерминистскими презумпциями. Обеспечивая для этих данностей формат воспроизводимых реификаций, конструктивная условность предстаёт как идеат каузальной зависимости, трактуемой как модельный казус детерминаций, подлежащий типологическому индуцированию. Конструктивная условность должна состояться в модельном качестве, чтобы подтвердить свой статус технического решения, допустимого для определённого класса задач с фиксированным порядком сложности, отражающим параметрические признаки каталогизируемых титульных детерминаций.

Конструктивная условность, лишённая цели, в понятийном плане невозможна. Но эта цель должна быть соотнесена с различными прецедентами детерминизма, дабы она могла быть достигнута либо в плане бытия, либо в плане мышления. Метафизическое понимание антагонизма телеологии и детерминизма должно быть отвергнуто, дабы конструктивная условность могла иметь технический смысл. Если сохранить метафизическое понимание этого антагонизма, то развитие технической рациональности станет невозможным, так как придётся вернуться в аристотелевско-птолемеевскую Вселенную с физикой «естественных мест», ибо сообразно своим энтелехиальным качествам все тела тяготеют к своему есте-

ственному месту, которое они должны занять по показаниям доминирующего элемента. В этом сказывается целесообразность Вселенной по Аристотелю. Он мыслит метафизически. Необходимо преодолеть абстрактную метафизику, которая помещает в один ряд каузальные детерминации и телеологическую обусловленность. В аристотелевско-птолемеевской Вселенной существование техники избыточно. В нашей реальности телеологический принцип вынесен за скобки. Это делает возможным не искать потустороннего смысла в реальных конфигурациях предметного мира, а создавать технические опции, которые можно мыслить, не задаваясь вопросом о «целях природы».

5 Разрешение конструктивной условности в модель онтологического проекта

Принимая во внимание фактор прагматической востребованности технического решения, далеко не каждая конструктивная условность сможет дорасти до доступной для интуитивного понимания вне лимитов фактической данности репрезентативной модели, ибо последняя заявляет о себе только при наличии технологического горизонта, по отношению к которому её мобилизационный потенциал может быть обналичен. Заклучая в себе конфигуративные качества реальных обстоятельств предметности, модель несёт себе апеллатив специфицированной продуктивности, позволяя воспроизводить в реальности свойства, задаваемые технически-исполнимой программой. Модель объективирует предсказуемый образ действия применительно к действительности конечных человеческих интересов, ибо действительность конструктивной условности предполагает индифференцию её естественного генезиса. На это обращал внимание М. Вартофский, рассматривая агентивный аспект модельной репрезентации: «Акцентировка на способе действия, который модель представляет, означает, что способ действия соотносится с видимой целью. Таким образом, это соотношение имеет две стороны: с одной стороны модель – воплощение идеи, а с другой – она в динамическом аспекте является средством реализации цели. Модель одновременно учитывает цель и гарантирует её реализацию» [13, с.127]. В той мере, в какой модель динамизирует материал, подлежащий продуктивному преобразованию, она становится указанием на прецедент энергетического обмена, теряя в самом своём понятии субстанциалистски-значимые черты. С этого момента она интересна исключительно как указание на техническую исполнимость продукта с заданными свойствами при меньших затратах ресурсов, труда, а также самого времени своей собственной реификации. Эти соображения, разумеется, имеют смысл только тогда, когда конструктивная условность, переведённая в статус модели, совместима с самой технологической ситуацией, характеризующей уровень развития производительных сил, относительно которого конструктивная условность практикуется операционально.

Конструктивная условность технического решения лишь косвенным образом имеет дело с «силами природы», ибо последняя редуцирована до уровня оперативного субстрата, трактуемого материально-вещественно, что делает любые натуралистические референции излишними, отводя им роль псевдообъяснительной избыточности, принадлежащей пласту ментальной архаики. Суть конструктивной условности интуитируется не в натуралистических динамических импрессиях, а исключительно внутри технодинамического процесса. Не «силы природы», а потенциалы технических решений в плане их функциональной совместимости имеют значение для конструктивной условности, достигшей статуса репрезентативной модели, интерпретируемой с позиций возможного развития уже существующей технической рациональности. Здесь тотальной объективацией является технодинамический процесс, вне которого у конструктивной условности не обнаруживается никакой внятной эйдетики. Тотальность технодинамического процесса определяет здесь и сейчас значимость технического ре-

шения, поэтому у конструктивной условности нет иных пространства и времени, кроме тех, что реифицируемы с технодинамической точки зрения.

Понятие технической рациональности по самой своей онтогносеологической диалектике, таким образом, требует оппозиционной поляризации: полюс объекта будет фокусировать вокруг себя типологически-значимые реал-формализмы, регламентирующие тотальность технодинамического процесса параметрически, тогда как на полюсе субъекта сфокусируется эйдетика мыслительных актов, имеющих в виду принятие технологически-релевантных решений. Эту субъективность человек не может найти вне порядков технического обобществления своих сущностных сил, но познать понятийно не может вне своего нового, заведомо производного техногенно-детерминированного «естества». Именно в этом смысле уместно говорить о техническом сознании, причём не как о некоем «социокультурном феномене», а преимущественно в эссенциалистском ключе. Нет нужды при этом повторять перфекционистские догмы старой догматической метафизики, коль скоро само понятие сознания критично по определению, ибо его содержание будет демонстрировать базисные аддикции экзистенции человека по поводу его фактической технизации, что следует мыслить как кризисный травматический фактор, а его объём обнаружится в конструктивных условностях возможных компенсаций. Вот почему вне понятия технического сознания невозможен продуманный критический подход к человеку как к носителю трансцендентального паралогиума темпоральности, раскрываемого в логической фикции «современности». На эвристическую ценность понятия технического сознания указывает А.Ю. Нестеров: ««Техническое сознание» – это один из возможных путей исследования человека или сознания как такового, где рефлексия над рефлексией в конечном итоге покажет следующий за контролем над материей предел самопознания» [14, с.244]. Логика потенцирования рефлексии требует сосредоточения теоретических усилий философии не над метафизической абстракцией «полноты» или над диалектическим опосредствованием, а над фактором конкретизации понятия «предела роста», призванного выразить антропологический смысл онтогносеологического потенциала проблемы конструктивной условности.

Применительно к очерченной проблемной области возможный ответ, составляющий собственно философское пожелание к возможной полноте теории, мог бы состоять в концепции технодинамического априоризма. Однако построению подобной концепции препятствуют примитивные предрассудки антропоморфизма: до сих пор вызывает живой интерес вопрос о том, как научить машину мыслить так, как мыслит человек, вместо того, чтобы выявить пределы собственно человеческого роста в пространственно-временном континууме технодинамической тотальности. Первая, по сути своей регрессивно-утопическая установка, опирается на неоруссоистские фантазмы экзистенциализма, озабоченного сохранением своих псевдогуманистических реификаций в условиях массовой агонии несчастного сознания, а не поиском истины. Вторая установка не обсуждается на уровне проявления в осознанной эйдетике гештальта, но она становится всё более актуальной по мере профанации первой, и она уже действует не на словах, а на деле при обосновании технологических решений, изменяющих отжившую социо-антропологическую фактуру, игнорируя при этом психоидеологические последствия, поскольку их технический смысл не очевиден. Утопическо-регрессивный экзистенциальный псевдогуманизм требует от технической рациональности самоограничения во имя сохранения отживших идеалистических предрассудков, постулирующих метафизический изоморфизм действительности и её отражений. Но на это пожелание уже ответил Ю.А. Гастев, признав, что «ограничительные тенденции обнаруживаются именно в «смелой» гипотезе об актуальном изоморфизме Мира и Языка. Дело в том, что гипотеза эта утверждает не столько богатство Языка, сколько бедность Мира!» [15, с.69].

Развитие технической рациональности в ключе технодинамического априоризма предполагает принципиальную разрешимость конструктивной условности в модель совместимости онтологических проектов, выражающих сущностные черты технико-обобщённой человеческой субъективности. Этот пласт отношений неявно присутствует в онтологизации проективных устремлений мышления, решающего, как это представляется сегодня, исключительно технические задачи. Это значит, что развитие онтологии проектирования как ключевого достижения технического сознания имманентно заключает в себе проблему познаваемости того комплекса антропологических следствий внутри технодинамической тотальности, который сегодня трактуется, главным образом, психодинамически. Преодоление этих иллюзорных способов истолкования реальности не достигается в гуманистических экзистенциалах, а требует конструктивной условности, демонстрирующей единство бытия и мышления в предметных реификациях проективных установок.

Заключение

Онтогносеологический аспект проблемы конструктивной условности обнаруживается в инвариантном порядке своей теоретической экспозиции, которая отвлеченно эксплицирует сущностные коллизии, значимые для технической рациональности, проектируемые ею в конкретном материале. Мера абстрактности этой экспликации обусловлена тем, что для технической ментальности сам акт конструирования предстаёт в виде наглядной реификации комплекса материальных данных, подлежащих оптимизации сообразно значимой для наличного предметного ракурса гипотезе операциональной исполнимости. Тот факт, что у этой гипотезы наряду с материальными предпосылками есть и внутренняя эйдетика, вытекающая из сущности сознания, остаётся в составе самой технической ментальности латентным допущением, не имеющим фиксированной локализации в самом техническом решении. Только конвертируясь в превращённую форму прибавочной ценности присвоенного времени, указанная латентная эйдетика воплощается в ритмическую фигуративность технико-исполнимого в материале решения, приобретающего черты проективной релевантности. Выявление этой закономерности экспонируется теоретически в пяти рассмотренных фазах, выражающих сущностные аттитуды технической рациональности как формы сознания, имеющей инвариантный порядок рефлексивного опосредствования.

1. Техническая рациональность имеет доступ только к тем объективациям сущего, которые характеризуются тематизацией в рамках операциональной исполнимости конструктивной условности. Пока эта рамочная установка действует, нет нужды различать формализмы бытия и формализмы мышления, характеризующиеся теоретической несоизмеримостью в их отвлечённом качестве, но унифицируемые предметно в востребованной техническим решением материальной реификации.

2. Методологический пуризм, устанавливающий дистинкции внутри онтогносеологического комплекса, есть симптом кризиса «чистого мышления», заданного в режиме логического нормативизма. Техническая рациональность требует материальной определённости для продукта, проектируемого посредством конструктивной условности, а не абстрактной дедуцируемости технического решения из конфигураций картины мира, опирающейся на психоидеологические санкции.

3. Наука не может строиться на метафизических репутациях, а потому она может считаться только с такими конструктивными условностями, которые могут быть обналичены посредством внятной схематизации «курсов обмена» энергетических затрат, востребованных в ходе предметной реификации. Эта схематизация аксиоматична в силу своей операциональной исполнимости, а не в силу того, что возможна некая предпочтительная метафизическая

интерпретация, которой должно следовать. Желаемая полнота технического решения имеет прагматический смысл, обладающий титульными признаками операциональной воспроизводимости и объективируемой транзитивности.

4. Конструктивная условность есть прецедент не природного, а технического детерминизма, параметрически легитимируемого и воспроизводимого посредством интуитивной репрезентативной модели. Последней присуща гносеологическая ригидность, влекущая за собой фатум типологической симплификации реальности.

5. Конструктивная условность разрешима в модель онтологического проекта в той мере, в какой она соответствует критерию технодинамического априоризма, в границах которого техническое сознание обладает агентивной достоверностью в собственном и строгом смысле. Сущностные признаки действенности технического сознания формируют поле диспозитивных антропологических вероятностей, которое может быть упорядочено только на эссенциальных, а не экзистенциально-психологических основаниях.

Итак, конструктивная условность определяет фактическую исполнимость онтологического проекта, образуя структуру идентичности, гарантирующую единство технической рациональности. Она предстаёт как «хорошо обоснованный феномен» (в гётеанском смысле) в границах применимости принципа технодинамического априоризма.

Список источников

- [1] Шеллинг, Ф.В.И. Сочинения в 2-х тт. / Ф.В.И. Шеллинг. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – 636 с.
- [2] Тренделенбург, Ф.А. Логические исследования в 2-х тт. / Ф.А. Тренделенбург. – М.: Либроком, 2001. – Т.1. – 376 с.
- [3] Коген, Г. Теория опыта Канта / Г. Коген. – М.: Академический Проект, 2012. – 618 с.
- [4] Пома, А. Критическая философия Германа Когена / А. Пома. – М.: Академический проект, 2012. – 319 с.
- [5] Введенский, А.И. Логика как часть теории познания / А.И. Введенский. – М.: КомКнига, 2010. – 440 с.
- [6] Мах, Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. – 456 с.
- [7] Кутюра, Л. Философские принципы математики / Л. Кутюра. – М.: ЛКИ, 2010. – 272 с.
- [8] Хаусдорф, Ф. Теория множеств / Ф. Хаусдорф. – М.: ЛКИ, 2007. – 304 с.
- [9] Френкель, А.А. Основания теории множеств / А.А. Френкель, И. Бар-Хиллел. – М.: КомКнига, 2006. – 552 с.
- [10] Штейнгауз, Г. Математика – посредник между духом и материей / Г. Штейнгауз. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2005. – 351 с.
- [11] Гартман, Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман. – СПб.: Наука, 2003. – 640 с.
- [12] Бунге, М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке / М. Бунге. – М.: Инлитиздат, 1962. – 512 с.
- [13] Вартофский, М. Модели: репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
- [14] Нестеров, А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода / А.Ю. Нестеров // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. – 2015. - Т.14. - №1. – С. 235 – 246.
- [15] Гастев, Ю.А. Гомоморфизмы и модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования / Ю.А. Гастев. – М.: Либроком, 2009. – 208 с.

ONTOGNOSEOLOGICAL ASPECT OF THE PROBLEM OF CONSTRUCTIVE COVENTION

A.N. Ognev

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia
phil@ssau.ru

Abstract

The article considers theoretical implications of the representative model considered both from her ontologic characteristics and in respect of its compliance to a relevant code of epistemological identity. Development of scientific and technical progress brings technical rationality which is characterized by a special ratio of objective prerequisites and subjective mental attitudes. The article considers the factors of an intrinsic determinism revealing regularities of functioning of the representative models forming the field of technical rationality. The concept of the technodynamic apriorizm characterizing semantic and logical coherence by the act of a reflection of technical consciousness is entered and proved. The principle of the technodynamic apriorizm is implemented in the representative models which are based on the idea of operational understanding of opportunities of human mind.

Key words: *representative model, rationality, technical consciousness, technodynamic apriorizm, operationality, objectivity, construct.*

Citation: *Ognev AN.* Ontognoseological aspect of the problem of constructive convention [In Russian]. *Ontology of designing.* 2016; 6(4): 525-540. DOI: 10.18287/2223-9537-2016-6-4-525-540.

References

- [1] *Schelling FWJ.* Writings in 2 volumes [In Russian]. – Moscow: Mysl; 1989. V.2.
- [2] *Trendelenburg FA.* Logical investigations in 2 volumes [In Russian]. – Moscow: Librocom; 2011. V.1
- [3] *Kants Theorie der Erfahrung von Dr. Hermann Cohen* [In German]. – B.: Ferd. Duemmlers Verlagsbuchhandlung Harrwitz und Gossman; 1871.
- [4] *Poma A.* La Filosofia Critica di Hermann Cohen / ed. Hugo Mursia. – Milano; 1988.
- [5] *Vvedensky AY.* Logic as a part of the philosophy of cognition [In Russian]. – Moscow: KomKniga; 2010.
- [6] *Mach E.* Ernst Mach: Erkenntnis und Irrtum [In German]. – Leipzig; 1917.
- [7] *Couturat L.* Les Principes des mathématiques. – Paris, Félix Alcan; 1905.
- [8] *Hausdorff F.* Set Theory [In Russian]. - Moscow: LKI; 2007.
- [9] *Fraenkel A, Bar-Hillel Y.* Foundations of set theory. – Moscow: KomKniga; 2006.
- [10] *Steinhaus H.* Miedzy duchem a material posredniczy matematyka. – Warszawa – Wroclaw: Wydawnictwo naukowe PWN; 2000.
- [11] *Hartmann N.* Zur Grundlegung der Ontologie. – Moscow: Science; 2003.
- [12] *Bunge M.* Causality. The place of the causal principle in modern science. – Harward University Press. Cambridge. Massachusetts; 1959.
- [13] *Wartofsky Marx W.* Models. Representation and the Scientific Understanding. – D. Reidel Publishing Company, Dordrecht, Holland; 1979.
- [14] *Nesterov AY.* The matter of essence of technical consciousness within the frame of semiotic approach [In Russian]. *Vestnik of the SSAU* 2015; V. 14, № 1: 235-246.
- [15] *Gastev YA.* Homomorphisms and models. Logical and algebraic aspects of simulation [In Russian]. – Moscow: Librocom; 2009.

Сведения об авторах

Огнев Александр Николаевич, 1969 г.р. С отличием окончил филологический факультет Самарского государственного университета. Кандидат философских наук по специальности «Онтология и теория познания». Преподавал в Самарской государственной областной Академии Наяновой на философском факультете. Доцент кафедры философии Самарского университета. К сфере научных интересов А.Н. Огнева относятся лингвистика, история германоязычных литератур, эстетика, метафизика, аксиология и психология личности.

Alexander Nicolayevich Ognev (b. 1969) graduated with honors from the philological faculty of the Samara State University. Doctor of Philosophy in "Ontology and the theory of knowledge." He taught at the Samara regional Nayanova Academy at the Faculty of Philosophy. Associate Professor of Philosophy of the Samara University. The sphere of his scientific interests are linguistics, history of German-speaking literature, aesthetics, metaphysics, axiology and psychology of personality.